

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ Н.И. ВОРОБЬЕВА

Оригинальная статья / Original paper
<https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.701-714>

EDN: CJYDQM

**«Любование стариной» в эпоху «великого перелома»:
Н.И. Воробьев и преподавание этнографии в вузах Казани
(1920-е – начало 1930-х гг.)**

Л.А. Бушуева

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
bushueva9@mail.ru*

Резюме. В статье рассматривается преподавательская деятельность известного этнографа, географа, исследователя этнографии татар и других народов Поволжья Николая Иосифовича Воробьева в Казанском университете и Восточном педагогическом институте в 1920-х – начале 1930-х гг. Показана его роль в организации специальных отделений этих вузов, где преподавали этнографию и близкие ей дисциплины (антропологию, антропогеографию, народоведение и другие). Описаны взгляды на этнографическое образование преподавательского сообщества Казани, студентов и органов власти различных уровней. В статье показано, что в первые годы советской власти этнографию в большом объеме преподавали в нескольких казанских вузах – Казанском университете, Северо-восточном археологическом и этнографическом институте, Восточном педагогическом институте. Главными инициаторами включения этнографических дисциплин в учебные программы вузов были сотрудники Казанского университета, среди них и Н.И. Воробьев. Однако чиновники Народного комиссариата просвещения РСФСР рассматривали этнографию как науку, изучающую «отсталые народности» и «пережитки», и не видели в ней средства идеологического воспитания студентов. Поэтому количество часов, отведенных на этот предмет, быстро сокращалось. Н.И. Воробьев и его коллеги предлагали ряд проектов учебных отделений (географическая и музейно-этнографическая секции Восточного педагогического института), чтобы сохранить этнографическое образование в Казани. В результате их усилий студенты физико-математического факультета Казанского университета и восточного отделения Восточного педагогического института изучали этнографию и близкие ей предметы вплоть до ее «разгрома» на рубеже 1920-х–1930-х гг.

Ключевые слова: этнографическое образование, Н.И. Воробьев, Казанский университет, Восточный педагогический институт.

Для цитирования: Бушуева Л.А. «Любование стариной» в эпоху «великого перелома»: Н.И. Воробьев и преподавание этнографии в вузах Казани (1920-е – начало 1930-х гг.). *Историческая этнология*. 2024. Т.9. №5. С. 701–714. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.701-714> EDN: CJYDQM

**“Admiring the olden time” in the era of the “great turning point”:
N.I. Vorobyev and teaching ethnography
at Kazan institutes of higher education (1920s – early 1930s)**

L.A. Bushueva

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

bushueva9@mail.ru

Abstract. The paper examines the teaching activities of the famous ethnographer, geographer, researcher of the ethnography of the Tatars and other peoples of the Volga region, Nikolay Iosifovich Vorobyev, at Kazan University and the Eastern Pedagogical Institute in the 1920s – early 1930s. His role in organising special departments of these universities, where ethnography and related disciplines (anthropology, anthropogeography, ethnology, etc.) were taught, is shown. The views on ethnographic education of the Kazan teaching community, students and authorities at various levels are described. The paper shows that in the first years of the Soviet rule, ethnography was taught in large quantities at several Kazan institutes of higher education – Kazan University, North-Eastern Archaeological and Ethnographic Institute, and Eastern Pedagogical Institute. The main initiators of including ethnographic disciplines in the curriculum of institutes were employees of Kazan University, including N.I. Vorobyev. However, officials of the RSFSR People’s Commissariat for Education considered ethnography as a discipline that studies ‘backward peoples’ and ‘relicts’, and did not see it as a means of ideological education of students. Therefore, the number of hours assigned to this subject was reduced quite quickly. N.I. Vorobyev and his colleagues proposed a number of educational departments projects (geographical and museum-ethnographic sections of the Eastern Pedagogical Institute) in order to preserve ethnographic education in Kazan. As a result of their efforts, students of the Physics and Mathematics Department of Kazan University and the Eastern Department of the Eastern Pedagogical Institute studied ethnography and related subjects until its ‘defeat’ on the cusp of the 1920s and 1930s.

Keywords: ethnographic education, N.I. Vorobyev, Kazan University, Eastern Pedagogical Institute.

For citation: Bushueva L.A. (2024) “Admiring the olden time” in the era of the “great turning point”: N.I. Vorobyev and teaching ethnography at Kazan institutes of higher education (1920s – early 1930s). *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Vol. 9. No. 5: 701–714. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-5.701-714> (In Russ.)

Известный советский этнограф Николай Иосифович Воробьев является признанным основоположником этнографического татароведения. Его становление как исследователя во многом пришлось на первые годы советской власти, когда появились его работы, посвященные материальной культуре татарского народа. Биографы Николая Иосифовича, рассматривая этот период его жизни, как правило, выделяют экспедиционную работу ученого и музейную деятельность. При этом мало кто отмечает, что в начале 1920-х гг. Н.И. Воробьев был в числе немногочисленных энтузиастов, пытавшихся организовать в Казани высшее этнографическое образование и имевших смелость поддерживать его в

сложные времена культурной революции и «великого перелома». В статье мы попытаемся рассмотреть педагогическую работу ученого в вузах Казани в контексте развития высшей школы 1920-х – начала 1930-х гг. ТАССР и определить его роль в становлении высшего этнографического образования в регионе.

Николай Иосифович Воробьев являлся воспитанником Казанского университета. Он учился на естественном отделении физико-математического факультета, и как отмечают его биографы Е.П. Бусыгин и Н.В. Зорин, уже со второго курса начал заниматься научными изысканиями под руководством двух наставников – профессора по кафедре зоологии А.А. Остроумова и этнографа Б.Ф. Адлера (Бусыгин, Зорин, 2002: 76). Исследовательские интересы начинающего ученого были весьма разносторонними. В 1915 г. по поручению Общества естествоиспытателей Николай Иванович изучал фауну Енисея, а уже через год в Южно-Уссурийском крае проводил географические и этнографические изыскания (Бусыгин, Зорин, 2002: 76). После окончания университета в 1918 г. Н.И. Воробьев вновь оказался в Сибири, где по поручению Русского географического общества в районе Нижнего Енисея занимался исследованием культуры и быта местных народностей (Бусыгин, Зорин, 2002: 77).

Пока ученый находился в Сибири, Казань переживала кардинальную перестройку всей системы высшего образования. В alma mater Воробьева – Казанском университете закрылись историко-филологический и юридический факультеты, зато появились рабочий факультет и факультет общественных наук. В городе начали работать и новые типы высших учебных заведений – педагогический и политехнический институты. Несмотря на трудности послереволюционного времени развивался и открытый в октябре 1917 г. Северо-восточный археологический и этнографический институт (СВАЭИ). Именно этот вуз в первые годы советской власти сыграл важную роль в развитии этнографического образования в Казани.

Этнография в вузах Казани в первые годы советской власти.

Институциональный аспект

Накануне революционных событий 1917 г. подготовкой этнографов в Казани занималась небольшая кафедра географии и этнографии естественного отделения физико-математического факультета университета, которой заведовал Бруно Фридрихович Адлер. Ему, несомненно, много удалось сделать для развития этой дисциплины в Казани, однако официально вплоть до 1917 г. в учебных планах университета курс этнографии оставался в подчиненном положении по отношению географии и был предметом по выбору, то есть необязательным для студентов. Кроме того, по признанию самого Н.И. Воробьева, в Казанском университете готовили специалистов только по этнографии народов Сибири, то есть ориентировались в своей научной работе «не на местный край, а на восток – Сибирь и Дальний Восток» (Воробьев, 1927: 193). В послереволюционный период кафедра продолжила работу, но ее преподавательский и студенческий состав был немногочисленным (ГА РТ. Ф. Р–1337. Оп. 3. Д. 10. Л. 50).

В СВАЭИ, возникшем по инициативе университетских преподавателей, открылось целое этнографическое отделение. Его возглавил профессор Б.Ф. Адлер. Исследователи признают, что оно стало первым подразделением в Советской России, где готовили профессиональных этнографов (Леонтьева, 1978: 53). В СВАЭИ поступали все желающие юноши и девушки, в том числе и из числа представителей национальной интеллигенции, как, например, Марьям Губайдуллина – сестра историка Газиза Губайдуллина, будущий специалист по этнографии татар. Их интерес к этнографическому образованию подогревался и происходившими в регионе процессами нациестроительства, итогом которых стало образование в 1920 г. Татарской АССР.

Кроме самого Б.Ф. Адлера этнографические дисциплины в Северо-восточном археологическом и этнографическом институте преподавал географ Б.Н. Вишневский – выпускник физико-математического факультета Московского университета, ученик Д.Н. Анучина и приват-доцент историко-филологического факультета университета Н.В. Никольский (ГА РТ. Ф. Р–1339. Оп. 2л. Д. 14. Л. 3). В отличие от Адлера и Вишневского у него не было естественнонаучного образования, он окончил Казанскую духовную академию и являлся специалистом по этнографии чувашей.

Студенты этнографического отделения СВАЭИ получали специальность по этнографии тюрко-татарских и угро-финских племен. Здесь им читали широкий перечень предметов, в который входили антропология, антропогеография, общая этнография, славянская этнография, тюркско-монгольские древности, этнография чувашей, этнография турецких племен, этнография финно-угорских племен и многие другие (Леонтьева, 1978: 57). Таким образом, в первые годы советской власти этнографов готовили и в Казанском университете, и на этнографическом отделении Северо-восточного археологического и этнографического института. Благодаря последнему этнография заняла заметное место в подготовке казанских студентов.

В первые годы работы преподаватели имели возможность самостоятельно формировать планы и программы занятий и выстраивать учебный процесс по своему усмотрению. Однако довольно скоро деятельность института стала вызывать вопросы у разных групп политической элиты республики. Комиссар высших учебных заведений Казани А.А. Максимов в отчетах, направляемых в Наркомпрос РСФСР, отмечал, что в СВАЭИ нет «ни плана, ни соответствия советскому строительству», а институт просто «приютил у себя всех преподавателей, любителей этнографии, археологии... и дал возможность им излагать свои познания» (ГА РФ. Ф. А1565. Оп. 3. Д. 377. Л. 10). Представители Татарского наркомпроса Ф. Сайфи, Г. Шараф, А. Енбаев и вовсе настаивали на реструктуризации СВАЭИ. Они утверждали, что, хотя институт и делает много для изучения татарской истории и культуры, этот вуз не для татар, так как для того, чтобы здесь успешно учиться, нужно пройти курс дореволюционной классической гимназии или реального училища (ГА РТ. Р–225. Оп.1. Д. 8. Л. 17).

В 1921 г. под давлением Татнаркомпроса Северо-восточный археологический и этнографический институт преобразовали в Восточную академию. В вузе сохранилось этнографическое отделение, однако увеличилась доля предметов «политического минимума». Из этнографов и антропологов здесь остались работать Б.Н. Вишневский и Н.В. Никольский, а вот Б.Ф. Адлер преподавать в новом учреждении не пожелал. В связи с институциональными изменениями, происходившими в высшем образовании, Б.Ф. Адлер, по-видимому, перестал видеть перспективы для развития исследовательской деятельности в Казани, хотя он по-прежнему являлся авторитетной фигурой в научном и преподавательском сообществе города, занимал должности ректора Казанского педагогического института и директора городского музея (ГА РТ. Ф. Р–1487. Оп. 1. Д. 14. Л. 113). Еще в конце 1921 г. ученый уехал в командировку, из которой в Казань не вернулся.

Восточная академия проработала всего один год. В начале 1922 г. центральные органы власти совместно с Наркомпросом ТАССР приняли решение объединить ее с педагогическим институтом и факультетом общественных наук университета в Восточный педагогический институт (далее – ВПИ). Таким образом, к началу 1922 г. из всех институций, готовивших этнографов, масштабная реструктуризация не затронула только кафедру географии, антропологии и этнографии Казанского университета.

Н.И. Воробьев на географических отделениях вузов Казани

Н.И. Воробьев возвращается в Казань в 1921 г. Сначала он устраивается на работу в Академический центр Народного комиссариата просвещения ТАССР в отдел охраны памятников (ГА РТ. Ф. Р–3682. Оп. 1. Д. 120. Л. 59об.) и становится штатным ассистентом кафедры географии, этнографии и антропологии университета. Это подразделение после отъезда Б.Ф. Адлера потеряло профессора и насчитывало всего четырех сотрудников. Среди них три преподавателя (Б.Н. Вишневский, Н.И. Воробьев, Н.И. Масленников) и один технический специалист – Екатерина Адольф. В 1923 г. исполняющим обязанности руководителя кафедры стал приглашенный из педагогического института географ С.Г. Пархоменко. Николай Иосифович начинает вести здесь практические занятия по антропологии и этнографии и проводит практикумы с участниками университетского кружка «Любителей природы» (ГА РТ. Ф. Р–1337. Оп. 1. Д. 78. Л. 57).

В 1923 г. Николая Иосифовича приглашают на работу в Восточный педагогический институт. В отличие от бывшего СВАЭИ, где учились специалисты по краеведению и «культурные работники», ВПИ выполнял «практические» задачи – готовил учителей для школ первой и второй ступени и педагогических техникумов. Институт состоял из четырех отделений: словесно-исторического, физико-математического, биолого-географического и восточного. Здесь преподавали этнографию, антропологию и народоведение. В 1922–1923 учебном году на биолого-географическом отделении эти курсы читал Б.Н. Вишневский (ГА РТ. Ф. Р–1487. Д. 39. Л. 108). Однако ученый, как и Б.Ф. Адлер, не собирался

продолжать профессиональную карьеру в Казани. Проработав в ВПИ всего несколько месяцев, он переехал в Петроград, где стал научным сотрудником Музея антропологии и этнографии РАН. Н.И. Воробьев, поступивший в ВПИ на должность самостоятельного, внештатного преподавателя, должен был заменить Б.Н. Вишневого (ГА РТ. Ф. Р–1487. Оп. 1. Д. 39. Л. 167).

Как уже упоминалось, ВПИ считался вузом с практическими целями. Поэтому, когда в ходе дискуссий об экономическом районировании страны Татарскую АССР стали относить к сельскохозяйственным регионам, наркомпросовские чиновники немедленно среагировали, преобразовав биологическое отделение в аграрное. Здесь начали готовить учителей для сельской местности со знанием основ ведения сельского хозяйства. Главное управление профессиональным образованием не считало нужным учить их географии. Поэтому географические дисциплины вместе с антропологией и народоведением выделили в отдельную от аграриев географическую секцию (ГА РТ. Ф. Р–1487. Оп. 1. Д. 49. Л. 42). Основными преподавателями географической секции стали С.Г. Пархоменко и Н.И. Воробьев.

Одной из особенностей учебного процесса тех лет являлся так называемый «стержневой» метод преподавания, когда все занятия группировались вокруг одного или двух предметов. На первом курсе студенты изучали основы ботаники, зоологию. На втором году обучения они знакомились с исторической геологией, картографией, геологией и палеонтологией, а также с методикой антропологических и этнографических сборов и экономико-статистических обследований. На третьем курсе стержневыми, ведущими предметами секции становились этнография и экономика. Этнографией и антропологией студенты занимались по 6 часов в неделю (ГА РТ. Ф. Р–1487. Оп. 1. Д. 49. Л. 42).

Николай Иосифович вел для старшекурсников экскурсионную практику. Она проходила обычно в первый триместр учебного года с сентября по ноябрь в окрестностях Казани (ГА РТ. Ф. Р–1487. Оп. Д. 50. Л. 85об.). Под экскурсиями подразумевались небольшие экспедиции. Для преподавателей географической секции они были главным методом обучения студентов. В отчете о работе они писали:

Основой накопления географических знаний у всех народов во все времена были путешествия, то и обучение географией начинаются с экскурсий, так как в это время студенты получают вкус к географическим исследованиям, к «поэзии бродяжничества», подходят вплотную к познанию географии, сложнейших взаимоотношений, существующих в районе контакта атмо-гидро-мето-био и антропосферы (ГА РТ. Ф. Р–1487. Оп. Д. 50. Л. 85).

Однако «поэзией бродяжничества» дело не ограничивалось. Из-за «производственной и сельскохозяйственной установки» института преподаватели должны были связывать географические и этнографические изыскания с проблемами экономического районирования СССР. С.Г. Пархоменко так описывал методику экскурсионной работы:

Профессор работает в поле так, как работает исследователь. При этой работе присутствуют студенты не только в роли созерцателей работ, но и в роли помощников, младших техников, десятников, рабочих. Поручения технического характера, доступные начинающим географам, вводя их в круг географических явлений, доставят и удовлетворение от сознания продуктивности, полезности работы. Изыскания железных дорог, шоссейных, грунтовых и водных путей сообщения, гидроэлектрических установок, мелиорация, статистические обследования и пр. требуют предварительных работ, которые с успехом могут быть выполнены квалифицированными работниками. И в таких работах, которые конкретно могут быть предложены Госпланом, и профессорско-преподавательский состав, и студенты, могут принять участие с большой пользой (ГА РТ. Ф. Р-1487. Оп. Д. 50. Л. 85 об).

С одной стороны, преподаватели географической секции старались обучить воспитанников основам полевых исследований, с другой стороны, были вынуждены демонстрировать властям, что готовят учителей, разбирающихся в состоянии современного сельского хозяйства и производства. В результате Пархоменко и Воробьев старались подвести учебный план под прочную «естественно-научную основу» и наполняли его такими предметами, как минералогия, динамическая геология за счет этнографических дисциплин. Несмотря на старания преподавателей выполнить многочисленные требования НКП РСФСР, чтобы сохранить подразделение, на работу секции вскоре обрушилась критика. В 1925 г. учебная часть ВПИ, рассматривая учебный план географов, отметила, что он не только перегружен, но и имеет существенные расхождения с планами Государственной ученой комиссии НКП РСФСР (ГА РТ. Ф. Р-1487. Оп. 1. Д. 49. Л. 77). В этом же году из педагогического института ушел руководитель секции С.Г. Пархоменко, тяготевший к исследовательской и экспедиционной деятельности, а не к воспитательной. В составе Якутской комплексной экспедиции Академии наук СССР он продолжил геоморфологические исследования Вилуйского округа Якутии, которыми занимался до приезда в Казань (Киселев, 2015: 48). После его отъезда географическую секцию в Восточном педагогическом институте закрыли.

*Н.И. Воробьев на восточном отделении
Восточного педагогического института*

Н.И. Воробьев являлся самостоятельным преподавателем восточного отделения ВПИ. После реорганизации гуманитарного образования в Казани в 1922 г. сюда перешли бывшие сотрудники историко-филологического факультета Казанского университета и представители татарской интеллигенции из Восточной академии, в том числе Газиз и Марьям Губайдуллины, Галимзян Шараф (ГА РТ. Ф. Р-1487. Оп. 1. Д. 39. Л. 167–167 об). Преподаватели отделения пытались сохранить преемственность с Северо-восточным археологическим и этнографическим институтом. Это можно проследить и по перечню

предметов в учебных программах, и по преподавательскому составу. Так, этнографию чувашей для студентов отделения вел Н.В. Никольский, а этнографию татар – выпускница СВАЭИ М.С. Губайдуллина. На отделении был и специальный курс общей этнологии. Его читал В.И. Анучин – незаурядный писатель и этнограф, до революции являвшийся ярким представителем сибирского областничества.

На востоковедческом отделении этнология являлась ведущим («стержневым») предметом наряду с историей и тюркскими языками. Вокруг нее группировалось несколько дисциплин. Собственно курс общей этнологии вел В.И. Анучин, а такие предметы, как антропогеография, аналитическая география были отданы Н.И. Воробьеву. Этнологию дополнял обзор религий. Таким образом, как писали преподаватели восточного отделения, «курс [давал] законченное целое в области народоведения, дополняя обществоведение и служа фундаментом для него» (ГА РТ. Ф. Р–1487. Оп. 1. Д. 50. Л. 84). Кроме этого, Н.И. Воробьев в 1923–1924 учебном году вел здесь семинары по экскурсионному делу и читал лекции по музееведению. По своей инициативе он проводил дополнительный антропологический и этнографический практикум для студентов университета и Восточного педагогического института (ГА РТ. Ф. Р–1337. Оп. 1. Д. 78. Л. 57). В длительные экспедиции вывозить студентов не было материальных возможностей, поэтому Н.И. Воробьев вел занятия на базе этнографического кабинета Казанского университета, где работал ассистентом, а затем заведующим (ГА РТ. Ф. Р–1337. Оп. 1 Д. 78. Л. 144). Так, только за 1923–1924 гг. он провел 38 экскурсий, большую часть которых были организованы для студентов педагогического института и университета. Итоги своей педагогической работы он представил в докладе «Экскурсия в преподавании на рабфаке», прочитанном на методической конференции рабочего факультета КГУ (ГА РТ. Ф. Р–1337. Оп. 1. Д. 78. Л. 57 об.).

Восточное отделение стояло особняком в институте. Его краеведческий уклон, расплывчатые с точки зрения советских органов власти цели «подготовить политически развитого культурного работника-общественника-марксиста, знающего свой край с точки зрения его природы, производства и культуры» и «научно-исследовательское» направление напоминали Северо-восточный археологический и этнографический институт с его преподавателями – «любителями этнографии, археологии» и отдавали «духом народничества». Кроме того, преподавателей восточного отделения никак нельзя было причислить к марксистам. Хотя мы не располагаем подробными программами Воробьева, уже по перечню предметов можно сказать, что в них вряд ли было много марксистского. Еще со студенческих лет Н.И. Воробьев оставался приверженцем взглядов географа и зоолога Л.С. Берга (Бусыгин, Зорин, 2002: 78), да и антропогеография, которую читал ученый, относилась к немарксистским направлениям географии. Она развивалась в России еще до революции, в ее основу были положены разработки таких ученых, как В.П. Семенов-Тянь-Шанский (Полян, 2020).

Уже в 1925 г. чиновники попытались закрыть восточное отделение, предложив разделить его на несколько национально-лингвистических подразделений с главным упором на изучение языков народов Поволжья. За создание чувашского национально-лингвистического отделения ратовал Чувашский народный комиссариат просвещения, а НКП ТАССР лоббировал открытие татарского национально-лингвистического отделения (ГА РТ. Ф. Р-1487. Оп. 1. Д. 80. Л. 11 об.).

Пытаясь сохранить этнографические дисциплины в качестве стержневых предметов, преподаватели ВПИ предложили выделить из отделения востоковедения еще и музейно-этнографическую секцию, где бы студенты могли изучать этнологию и этнографию и получить специальность музейного сотрудника. Одним из разработчиков планов для новой специальности стал Н.И. Воробьев. Вскоре методическая комиссия по педагогическому образованию Главпрофобра НКП РСФСР рассмотрела их и утвердила. Музейно-этнографическая секция начала работу со второй половины 1925 г.

Будущие музейеведы слушали курсы истории (читал преподаватель Е. Чернышев), археологии (читал В. Смолин), этнографии тюрко-татарских племен (М. Губайдуллина). Но большая часть времени отводилась для антропологии, общей этнологии и музейной техники. Курс общей этнологии вел В.И. Анучин, а антропологию, музейеведение и музейную технику читал студентам Николай Иосифович по три часа в неделю каждый предмет. Будучи заведующим кабинетом географии Казанского университета, он проводил занятия с его использованием.

Подробных программ по предметам, читавшимся на музейно-этнографической секции, найти не удалось. Однако судя по краткому описанию, сохранившемуся в архиве, особенно насыщенным был учебный план по музейеведению и музейной технике. Это неудивительно, учитывая, что Н.И. Воробьев являлся директором Центрального музея ТССР. Ученый рассказывал студентам о том, как нужно работать с этнографическими, нумизматическими коллекциями, давал общие сведения об истории искусств, картографии, палеографии, дипломатики, геральдики, фотографии, уделял внимание естествознанию. Вел Николай Иосифович и практические работы по музейеведению, приглашая учащихся на занятия в Центральный музей (ГА РТ. Ф. Р-1487. Оп. 1. Д. 50. Л. 148).

Однако и музейно-этнографическое отделение не избежало закрытия. Во-первых, здесь училось довольно мало студентов, так как молодые люди под влиянием революционных преобразований стремились на общественно-экономическое отделение, где больше всего изучались дисциплины «политического минимума», этнография же ассоциировалась у них с изучением «отсталых народностей», «старины» и «пережитков». Во-вторых, в середине 1920-х гг. этнографы ВПИ стали объектом нападков со стороны студенческой партийной ячейки. В этот период эта организация играла большую роль в жизни института. Ее самые активные представители входили в состав предметных комиссий и советов отделений, где буквально третировали преподавателей, критикуя их методы работы и учебные программы за «отсутствие марксистской линии». Жалобы

партийных активистов являлись в те годы обычной причиной увольнения сотрудников.

В состав объединенного совета подразделений бывшего восточного отделения входили студенты Яковлев и Угандеев. В 1925 г. вместе с другими активистами они добились сокращения преподавания археологии (ГА РТ. Ф. Р–1487. Оп. 1. Д. 80. Л. 27.), выступали за увольнение В.И. Анучина, утверждая, что он «заполняет [время лекций] пустячными разговорами, анекдотами и т.п. вещами», и поэтому они «об этнологии понятия не имеют, кроме шаманизма». В результате студенческих доносов В.И. Анучин уволился в 1927 г. Критиковали представители студенческой фракции и Н.И. Воробьева. Претензии к нему были те же, что и к другим преподавателям. Студент Яковлев утверждал, что этнография рассматривается им «только под углом действий физико-географических факторов», тогда как учащимся интересны в этнологических явлениях марксистская составляющая и экономические факторы (ГА РТ. Ф. Р–1487. Оп. 1. Д. 80. Л. 53). В итоге ректору С.П. Сингалевичу пришлось вводить в противовес курсу музееведения Николая Иосифовича цикл занятий по культуре края, который читал искусствовед П.М. Дульский, объясняя это тем, что «Воробьев станет подходить [к предмету] с натуралистической точки зрения» (ГА РТ. Ф. Р–1487. Оп. 1. Д. 80. Л. 15 об).

В 1926 г. музейно-этнографическую секцию передали в состав общественно-экономического отделения ВПИ, а этнологию, этнографию и антропологию заменили курсом экономической географии, которая считалась одной из ведущих дисциплин и необходимой основой для изучения политической экономии и экономической политики. Теперь вместо изучения традиционной культуры и быта народов Поволжья и Приуралья студентам предстояло постигать азы географии мирового хозяйства, территориальную организацию экономической жизни СССР, географию промышленности, сельского хозяйства и транспорта. Вести этот предмет поручали, как правило, выпускникам партийных вузов или преподавателям – членам партии. Ни к тем, ни к другим Н.И. Воробьев не относился.

В 1926 г. Николай Иосифович ушел из педагогического института, но остался штатным ассистентом географического кабинета Казанского университета (ГА РТ. Ф. Р–1337. Оп. 1. Д. 110. Л. 32). В университете преподавание этнографии сходило на нет. Так, в учебном плане старших курсов направления «география, этнография и антропология» наибольшая доля часов выделялась на страноведение, экономическую географию, общее землеведение, зоогеографию, географию почв и другие естественнонаучные предметы (ГА РТ. Ф. Р. 1337. Оп. 1. Д. 110. Л. 110). Таким образом, подготовка студентов все больше углублялась в специальные области географии (Бусыгин, Зорин: 78–79).

Непосредственно у Николая Иосифовича в эти годы специализировались всего три студента – Ф.И. Терегулова, Г.П. Воздвиженский и Н.И. Напалков. Ученый относился к ним очень внимательно, брал их с собой в экспедиции, ор-

ганизованные другими научными учреждениями, устраивал на подработку в Центральный музей ТССР. Так, Терегулова по поручению музея ездила в Уфу для изучения этнографии башкир (ГА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 1. Д. 78. Л. 57 об). Работал Николай Иосифович и со студентами медицинского факультета. Он проводил практикумы по антропометрии и обработке материалов по биометрическому методу со студентами пятого курса медицинского факультета в дополнении к курсу социальной гигиены (ГА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 3. Д. 50. Л. 60).

В 1929 г. на татарском национальном отделении Восточного педагогического института возобновили преподавание этнографии тюркско-татарских племен. Читать этот предмет вновь пригласили Николая Иосифовича. Однако в разгаре уже была эпоха «великого перелома» и бескомпромиссной борьбы с «пережитками прошлого». В 1929 г. в журнале «Этнография» вышла публикация сотрудника Государственной академии истории материальной культуры В.Б. Аптекаря, ставшая началом классовой атаки на этнографов (Слезкин, 1993: 116). В.Б. Аптекар утверждал, что этнология «должна быть признана не чем иным, как буржуазным суррогатом обществоведения, поставленным на голову, знаменующим невозможность построить науку об обществе средствами буржуазной науки» (Совещание этнографов ..., 1929: 116). На местах ситуацию подогревали установки ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) 1929 г., обязавшего вузы готовить новых специалистов в ускоренном темпе. В ВПИ состоялась большая проверка отделений. По ее итогам работу татарского отделения признали «неудовлетворительной» из-за отсутствия марксистского содержания в учебных курсах, а несколько предметов, в том числе и этнографию тюркско-татарских племен, убрали из учебного плана.

В это же время в вузах республики начались кампании против «старой профессуры». Одной из самых масштабных стала травля в периодической печати известного казанского историка профессора Н.Н. Фирсова и его соратников, участвовавших вместе с ним в работе Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Среди них был и Н.И. Воробьев. Члены комиссии агитационно-пропагандистского отдела Областного комитета ВКП(б), изучив дела Общества, писали в обличительных тонах:

В составе действительно ... работавшего актива собрали свои ученые силы явно буржуазные этнографы Воробьев, Смолин (областник-неонародник), «сам» Фирсов... бывшие миссионеры и отчаянные националисты Никольский и Михеев... и пантюркисты типа Губайдуллина, Али Рахима, Саади и т.д. Получился замечательный букет служителей истинной науки (ГА РТ. Ф. П15. Оп. 2. Д. 1224. Л. 1.).

О работах Н.И. Воробьева члены комиссии высказались отдельно:

Не лучше статьи такого явно буржуазного этнографа как Воробьев «О пище татар», как не лучшим перлом является его книга «Очерки материальной культуры татар». Дух буржуазного коллекционерства,

собирания интересных редкостей, этнографического описательства и музейного любования ... у Воробьева исключительно силен (ГА РТ. Ф. П15. Оп. 2. Д. 1224. Л. 65).

К счастью, нападки «воинствующих марксистов» не привели к аресту и физической гибели ученого. Однако после таких обвинений работать в высшей школе было невозможно. Еще в 1930 г. Николай Иосифович уволился из вуза, а к активной преподавательской деятельности вернулся лишь в 1934 г. уже в качестве физического географа, став деканом факультета географии педагогического института.

Таким образом, в 1920-е гг. Николай Иосифович Воробьев активно работал не только как исследователь этнографии народов Поволжья. Преподавательская деятельность заняла весомую часть его жизни. В эти годы он не замыкался на научных изысканиях, а с готовностью поддерживал начинания своих коллег-этнографов, пытавшихся проложить дорогу высшему этнографическому образованию в Казани в условиях непрерывных институциональных изменений, реорганизаций и, наконец, гонений на преподавательское сообщество. Как универсальный специалист, прекрасно разбиравшийся в физической географии, этнографии, антропологии, музееведении, Николай Иосифович был востребован на всех вузовских направлениях, где изучались этнографические дисциплины. Эта «универсальность», по-видимому, позволила ему пережить эпоху «великого перелома» и гонений на этнографию рубежа 1920 – начала 1930-х гг. и способствовать развитию этнографического образования в вузах ТАССР в последующие, более спокойные периоды.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

ИСТОЧНИКИ

- ГА РТ. Ф. П15. Оп. 2. Д. 1224.
- ГА РТ. Ф. Р-225. Оп. 1. Д. 8.
- ГА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 1. Д. 78.
- ГА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 1. Д. 110.
- ГА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 3. Д. 10.
- ГА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 3. Д. 50.
- ГА РТ. Ф. Р-1339. Оп. 2л. Д. 14.
- ГА РТ. Ф. Р-1487. Оп. 1. Д. 14.
- ГА РТ. Ф. Р-1487. Оп. 1. Д. 39.
- ГА РТ. Ф. Р-1487. Оп. 1. Д. 49.
- ГА РТ. Ф. Р-1487. Оп. 1. Д. 50.

ГА РТ. Ф. Р-1487. Оп. 1. Д. 80.
ГА РТ. Ф. Р-3683. Оп. 1. Д. 120.
ГА РФ. Ф. А1565. Оп. 3. Д. 377.

ЛИТЕРАТУРА

- Бусыгин Е.П., Зорин Н.В. Этнография в Казанском университете. Казань, 2002.
- Воробьев Н.И. Этнографические исследования в Татарской АССР с 1920 по 1927 год // Этнография. 1927. №1. Кн. 3. С.193–195.
- Киселев М.Ю. С.Г. Пархоменко – исследователь вечной мерзлоты Якутии // Наука и техника в Якутии. 2015. №2 (29). С.48–52.
- Леонтьева А.М. К истории высшего специального этнографического образования (этнографическое отделение Северо-восточного археологического и этнографического института в Казани) // Советская этнография. 1978. №2. С.53–62.
- Полян П.М. «Круг географии» и судьба антропогеографа (к 150-летию со дня рождения Вениамина Петровича Семёнова-Тян-Шанского) // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2020. № 84(5). С.786–800.
- Слезкин Ю. Советская этнография в нокдауне: 1928–1937 // Этнографическое обозрение. 1993. №2. С. 113 – 125.
- Совещание этнографов Ленинграда и Москвы // Этнография. 1929. №2. Кн. 8. С. 115–116.

REFERENCES

- Busygin E.P., Zorin N.V. (2002) *Ethnography at the Kazan University*. Kazan. (In Russ.)
- Kiselev M.Yu. (2015) S.G. Parkhomenko – researcher of permafrost of Yakutia. *Nauka i tekhnika v Yakutii* [Science and technology in Yakutia]. No. 2(29): 48–52. (In Russ.)
- Leont'eva A.M. (1978) On the history of higher specialized ethnographic education (ethnographic department of the North-Eastern Archaeological and Ethnographic Institute in Kazan). *Sovetskaya etnografiya*. [Soviet ethnography]. No. 2: 53–62. (In Russ.)
- Meeting of ethnographers of Leningrad and Moscow (1929). *Etnografiya* [Ethnography]. No. 2. Book 8: 115–116. (In Russ.)
- Polyan P.M. (2020) “The circle of geography” and the fate of the anthropogeographer (dedicated to the 150th anniversary of Veniamin Petrovich Semyonov-Tyan-Shansky's birth). *Izvestiya Rossiiskoy Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*. [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geography Series]. No. 84(5): 786–800. (In Russ.)
- Slezkin Yu. (1993) Soviet ethnography in knockdown: 1928–1937. *Etnograficheskoe obozrenie*. [Ethnographic review]. No. 2: 113–125. (In Russ.)
- Vorobyev N.I. (1927) Ethnographic research in the Tatar ASSR from 1920 to 1927. *Etnografiya* [Ethnography]. No. 1. Book 3: 193–195. (In Russ.)

Сведения об авторе: Бушуева Людмила Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории и теории национального образования, Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); <https://orcid.org/0000-0003-4869-3048>; e-mail: bushueva9@mail.ru

About the author: Lyudmila A. Bushueva, Cand. Sc. (History), Senior Research Fellow of the Center of History and Theory of National Education, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7 Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); <https://orcid.org/0000-0003-4869-3048>; e-mail: bushueva9@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 1.03.2024

Доработана после рецензирования / Revised 30.05.2024

Принята к публикации / Accepted 15.06.2024